

RU

Лингвокультура современного разговорного узуса: русский и французский языки

Седых А. П., Зарипов Р. И., Маякова Е. Е.

Аннотация. Целью исследования является обнаружение типологических закономерностей функционирования современной обыденной речи в русской и французской лингвокультурах через призму сопоставительно-контрастивного анализа высказываний и когнитивно-коммуникативных данных национального мировидения. Достижение данной цели позволяет выявить не только повторяющиеся структуры, привычки или закономерности, характеризующие функционирование каждого языка, с целью их классификации или сравнения, но и сформировать базовые понятия для моделирования этнокультурных феноменов «русскость» и «французскость» как объектов исследования посткоммуникации и новой компаративистики. Научная новизна исследования обусловлена оригинальностью грамматико-менталистской концепции, базирующейся на диалектике транслирования языковых особенностей в пространство этнокультурной когниции и коммуникации, а также созданием обновлённой модели лингвосомиологического описания обыденного нарратива для уточнения понятийного аппарата и более чёткого структурирования терминосистемы разговорной дискурсологии, а также теории языка и теории коммуникации. Разговорно-сниженный тип высказывания трактуется как лабильная и динамичная система порождения смыслов, опирающаяся на этноцентрическую семиотику уникального эмоционально-экспрессивного кода, владение которым позволяет членам одного лингвокультурного сообщества группы лучше понимать друг друга и укреплять свою идентичность, что является одним из ключевых исследовательских принципов работы. Полученные в работе данные открывают пути для выявления дополнительных психолингвистических и когнитивно-коммуникативных механизмов функционирования сниженного регистра речи и позволяют на их основе сформировать междисциплинарный инструментарий для расширения эпистемологического поля векторов развития контрастивно-проактивной лингвопрагматики речевого акта.

EN

Linguistic culture of modern colloquial usage: Russian and French languages

A. P. Sedykh, R. I. Zaripov, E. E. Mayakova

Abstract. The aim of this study is to identify typological patterns in the functioning of contemporary everyday speech in Russian and French linguistic cultures through a comparative-contrastive analysis of utterances and cognitive-communicative data on national worldviews. Achieving this goal allows us not only to identify recurring structures, habits, or patterns characterizing the functioning of each language for the purpose of their classification or comparison, but also to formulate basic concepts for modeling the ethnocultural phenomena of “Russianness” and “Frenchness” as objects of research in postcommunication and new comparative studies. The scientific novelty of this study is determined by the originality of the grammatical-mentalist concept, based on the dialectic of translating linguistic features into the space of ethnocultural cognition and communication, as well as the creation of an updated model of linguo-semiological description of everyday narrative to clarify the conceptual apparatus and more clearly structure the terminology of conversational discourse, as well as the theory of language and communication theory. The colloquial, reduced speech type is interpreted as a labile and dynamic system of meaning generation, based on the ethnocentric semiotics of a unique emotional-expressive code. Mastery of this code allows members of a single linguistic-cultural community to better understand each other and strengthen their identity, which is one of the key research principles. The data obtained in this study opens avenues for identifying additional psycholinguistic and cognitive-communicative mechanisms underlying the functioning of the reduced speech register and, based on these, for developing an interdisciplinary toolkit for expanding the epistemological field of developmental vectors for contrastive-proactive linguapragmatics of speech acts.

Введение

Современный разговорный язык можно определить как совокупность устных практик, языковых привычек и социальных кодов, используемых носителями языка ежедневно в неформальных контекстах (друзья, семья, социальные сети). Этот регистр характеризуется спонтанностью, выразительностью и определённой степенью свободы от строгих грамматических правил. Он отличается от формального (литературного) и стандартного (нейтрального, повседневного) регистров. Неформальный регистр не является «неправильным», а служит для обеспечения быстрого и эмоционального выражения своих мыслей, информации, передачи ярких впечатлений. Этот регистр является результатом постоянной эволюции языка, где употребление создаёт норму, особенно посредством модернизации, обогащения за счёт новых выражений и нередко с применением морфосинтаксических модификаций, свойственных любому национальному языку.

Феномен разговорности как комплексный спонтанный процесс членения нарратива на более короткие синтагмы или мелкие единицы, приёмов и способов их адекватной интерпретации, иначе говоря, раскрытия точного смысла и прагматической выразительности разговорного высказывания, несмотря на неослабное внимание со стороны филологов, всё ещё остаётся малоизученным в мировом научном сообществе (Гак, 2020; Зализняк, Янин, 2006; Седых, Акимова, Машкова, 2026; Kerbrat-Orecchioni, 2005).

Исследование носит проактивный характер и руководствуется более широкой трактовкой к фактам коллоквиальной коммуникации в их дискурсно-нарратологическом аспекте. Данный тип разговорной интеракции определяется как «набор навыков, относящихся к предвосхищению практик поиска, преобразования и переформулирования утверждений и их содержания (здесь и далее перевод наш. – А. С., Р. З., Е. М.)» (Krieg-Planque, 2006, p. 34). Приведённая дефиниция в приложении к разговорному дискурсу отсылает к производству высказывания в рамках владения субъектом речи специфическими навыками, выполняющими фундаментальные коммуникативно-интеракционные функции.

Контрастивно-сопоставительное изучение категории «разговорность» является частью проекта, направленного на понимание и совершенствование процедур коммуникации через селективные формы сниженных регистров русского и французского языков на фоне традиционных дискурсных практик, которые формируют и используют чаще всего стандартные формулы и выражения. При помощи перекрёстного анализа дискурсно-нарративного функционирования языкового материала в дистантных лингвокультурах выявляется сходство и различие интеракционных моделей построения коллоквиальных высказываний. Выясняется, что трудности понимания и интерпретации разговорного узуса напрямую связаны с национально-культурными особенностями словесно-логического мышления носителей национальных языков и спецификой их мировосприятия.

Операциональный корпус исследования опирается на ряд концепций видных филологов, отобранных по критериям релевантности, оригинальности и семиологической актуальности. Необходимость создания непротиворечивой теории проактивной разговорной риторики, построенной на лингвокультурологических и лингвопрагматических основаниях, не вызывает сомнения, и в этом видится актуальность настоящего исследования. Новая риторическая аксиология может быть построена с учётом синергетического взаимодействия конверс-анализа и лингвосемиологии в плане эпистемологической и эмпирической востребованности аутентичных оценок речевого акта и поиска путей реализации возможностей эффективного роста индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума.

Актуальными представляются также и перспективы дальнейших исследований, очерченных в работе и направленных на создание метаколлоквиального корпуса национальных языков для реконструкции и статистического учёта адекватных когнитивно-коммуникативных моделей разговорно-речевого акта с целью осуществления успешного междисциплинарного и межкультурного взаимодействия.

Специфический нарратив, включающий в себя разговорные модели воздействия на собеседника, коррелирует не только с традиционными фигурами речи и синтаксиса, но и с культурологическим пластом фоновых знаний, без которых конструктивная, адекватная и высокоэстетическая коммуникация представляется вряд ли возможной. В этой перспективе необходимо также учитывать данные конвенциональной и разговорной имплицатур, а также концептуальные противоречия, которые они часто вызывают на уровне метатерминологического корпуса различных дисциплин – лингвистики, семантики, семиологии, психоанализа и лингвопрагматики.

В исследовании решаются следующие задачи:

- анализ и описание русского и французского разговорного дискурса на уровне лексики, синтаксиса и дискурсной прагматики;
- реализация сопоставительно-контрастивного анализа высказываний с целью обнаружения общих и дифференциальных параметров разговорно-сниженных регистров обеих лингвокультур;
- подготовка проектных элементов эпистемологической базы для уточнения механизмов анализа и трактовки разговорных интеракций в рамках проактивной дискурсологии, посткоммуникации и посткомпаративизма.

Коллоквиальная риторика узуса, как актуальная лингвокультурологическая дисциплина, обладает терминологическим аппаратом, дифференцированно признаваемым специалистами в данной области, который обогащается новыми терминами (Копусь, 2025; Рикёр, 2004; Седых, 2022; Clas, 2015; Combettes, 1996). В работе делается акцент на междисциплинарности и многомерности термина «узус», опираясь на релевантное и динамичное понимание его информативно-смыслового и экспрессивного содержания в различных контекстных условиях реализации. Вне зависимости от своих эпистемологических приоритетов ведущие филологи мира

регулярно уделяют внимание феномену «русскости» и «французскости» (Борисова, 2010; Веденина, 2020; Запесоцкий, 2012; ФП, 2021; Pruvost, 2014).

Авторы в своём исследовании руководствуются принципом конвергенции теоретико-интерпретационного и практико-ориентированного подходов, связанных с принципом концептуализации коллоквиальной семантики и прагматики дискурса данного типа, согласно которому высказывание «является семантическим центром и синтаксическим ядром языка, наделенными функциями, направленными на удовлетворение когнитивных и коммуникативных потребностей субъекта и реципиента речи в русле адекватного восприятия лингвосомиотического потенциала означающих» (Rey, 2011, p. 157).

Этнокультурная поликодность и многофункциональность разговорных нарративов лежит в основе потенциальных свойств данного явления в плане смысловых и концептуальных параметров развёртывания в дискурсе. В данной перспективе теоретическую основу исследования образуют фундаментальные труды теоретиков и практиков гуманитарных дисциплин, таких как: философия языка и концептология, дискурсология и лингвокультурология, когнитивная лингвистика и коллоквиалистика (Воркачев, 2001; Воробьев, 2006; Выготский, 2007; Елистратов, 2002; Карасик, 2025; Лихачев, 1993; Щуплов, 1998; Charaudeau, 2009; Hagège, 2019; Morin, 2006; Rivarol, 2013).

В эпистемологическом плане исследование опирается на концепции учёных из следующих областей научного знания: интеракциональной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 1980; 2005), нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвосомиологии (Kristeva, 2000), метариторики и лексикологии (Pruvost, 2005; Rey, 2011).

Теоретическая значимость исследования обусловлена синергией лингвосомиологического и когнитивно-коммуникативного подходов к изучению разговорного узуса, с интегрированием дополнительных параметров метадискурсных аспектов гуманитаристики.

Результаты анализа эмпирического материала позволяют говорить о подтверждении научных положений коллоквиалистики, социолингвистики, нарратологии и лингвосомиотики. Эпистемологические разработки и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории лингвосомиологического моделирования, в частности арготической картины мира и нового терминологического аппарата метаколлоквиалистики.

Методы исследования включают в себя структурно-семантический и лингвосомиологический анализ разговорного дискурса, а также выделение потенциальных интеракциональных признаков нарратива сниженного стилистического регистра с целью создания адекватных эпистемологических предпосылок для маркирования и акцептации проактивных моделей разговорной коммуникации.

Практическая значимость видится в области применения результатов исследования в процессе преподавания основ дискурсологии, нарратологии, коллоквиалистики и метадискурса науки, на лабораторных занятиях по филологическим и психолингвистическим дисциплинам, в рамках практических курсов по подготовке преподавателей гуманитарных вузов и научно-преподавательского состава классических университетов.

Обсуждение и результаты

Языковая культура неформального узуса в русском и французском языках представляет собой обыденный регистр речи, общеупотребительный в повседневной жизни, характеризующийся сокращениями, заимствованиями и образными выражениями. В то время как французский аналитический язык в значительной степени опирается на морфолого-синтаксическую элизию и инверсивные речевые конструкции (верлан), неформальный современный русский язык находится под сильным влиянием уникального табуированного языка и имеет более гибкую синтаксическую структуру благодаря «продуктивному грамматическому синтетизму» (Радбиль, 2019, с. 219).

Синтетическая природа русского языка относится к фундаментальной грамматической характеристике, при которой отношения между словами в предложении выражаются путем изменения формы самих слов, прежде всего, за счет добавления окончаний (склонений). В отличие от аналитических языков (таких как французский или английский), которые используют порядок слов и служебные слова (предлоги, вспомогательные глаголы) для передачи смысла, русский язык использует свою систему склонения для «сжатия» информации, что, с одной стороны, способствует обогащению и разнообразию арсенала лексических средств для разговорного узуса, с другой – семантико-смысловой плотности сниженного регистра речи (Седых, Иванова, 2024).

Структурно-семантические особенности высокоаналитического французского языка и исходная синтетичность русского языка «располагают» к проведению продуктивного контрастивного анализа маркеров разговорности в двух лингвокультурах.

1. Разговорный русский язык

В русской культуре чётко различают стандартный (нормативный) и разговорный (сниженный) язык, последний часто характеризуется высокой выразительностью используемых средств. Разговорный русский язык также включает в себя множество иностранных слов (англицизмы, заимствованные слова из исторического французского). Это касается структурных модификаций и разговорной редукации, а именно частого использования сокращений, уменьшительных форм и пропусков слогов для ускорения речи (например, «пока-пока» вместо «до свидания»).

Важным элементом разговорности русской лингвокультуры является гибкость исходного материала, когда склонение, например, позволяет изменять порядок слов для подчёркивания мысли, что для французского «жёсткого» синтаксиса редко представляется возможным. Неотъемлемой частью современной русской речи является влияние уникально русского лингвокультурного явления – «мата». Мат – очень сильный, даже

табуированный, компонент разговорного языка (императив или оскорбление), часто сокращаемый («пц»; «хз»; «ёпрст») или эвфемизированный в русском разговорном узусе («блин-компот»; «хрюндель», «ё-моё»).

Разберём детально каждую из характеристик русского разговорного дискурса.

А. Выразительность средств.

Резкое различие в русской культуре между стандартным языком и разговорной, зачастую весьма экспрессивной, устной речью является важным социолингвистическим феноменом. Речь идёт не просто о том, чтобы говорить «хорошо» или «плохо», а скорее об использовании двух разных регистров или даже двух почти независимых систем в зависимости от контекста (формального или неформального).

С одной стороны, – литературный, кодифицированный язык, преподаваемый в школах и используемый в средствах массовой информации, администрации, литературе и официальной коммуникации со строгой грамматикой, точным словарным запасом, полными спряжениями и соблюдением склонений, что воспринимается как признак образованности и уважения к собеседнику. С другой – спонтанный язык повседневной жизни, используемый в частной, дружеской или семейной обстановке.

Русские часто балансируют между этими двумя уровнями. В зависимости от степени знакомства с собеседником можно перейти от очень формального к очень неформальному стилю речи в рамках одного разговора. Разговорная речь позволяет более полно выражать эмоции, юмор, иронию или сочувствие, чем литературный язык, который часто воспринимается как слишком холодный или жёсткий. Здесь важную роль играет общекультурное наследие, так как классическая русская литература установила очень высокие стандарты, в то время как разговорный язык продолжал творчески и независимо развиваться. Такое разделение между кодифицированным языком для публичной сферы и творческим/эмоциональным языком для частной сферы иллюстрирует гибкость и глубину русской лингвокультуры.

Б. Заимствования.

Русский язык заимствует и адаптирует термины из других культур, чтобы обогатить свой словарный запас, часто для обозначения новых понятий, технологий или социальных модификаций.

Англицизмы чрезвычайно распространены в современной России, особенно среди молодёжи, в сфере бизнеса, технологий и журналистики:

- технологии/Интернет – дисплей (display = индикаторная панель), чек (check = проверка), тачпад (touchpad = сенсорная панель);
- бизнес/менеджмент – менеджер (manager = управляющий, специалист), фрилансер (freelancer = фрилансер, внештатный сотрудник), брифинг (briefing = брифинг, планёрка, информационное совещание);
- повседневность/культура – шоппинг (shopping = шопинг, хождение по магазинам за покупками), хит (hit = хит продаж).

Заимствования из исторического французского языка, унаследованные от XVIII и XIX веков, часто считаются более формальными или изысканными, хотя они и вошли в обиход, иногда с изменённым значением, что часто приводит к появлению «ложных друзей переводчика»:

- повседневная жизнь и мода – магазин (*magasin*), костюм (*costume*), журнал (*journal/magazine*), абажур (*abat-jour*), туалет (*toilette*);
- культура и искусство – авангард (*avant-garde*), актёр (*acteur*), режиссёр (*régisseur/réalisateur*);
- кухня и роскошь – шампанское (*champagne*), бульон (*bouillon*), бюро (*bureau*).

К причинам такой интеграции можно отнести отсутствие эквивалентных терминов, особенно для новых технологий, престижность использования иностранных слов (английских или французских), которые воспринимаются как современные или изысканные лексемы, а также простота «усвоения», так как русский язык, интегрируя эти слова путем фонетической адаптации (например, “*défilé*” становится «дефиле»), «облегчает» их использование носителями языка.

В. Речевая экономия.

В современном разговорном русском языке «экономия речи» (речевая экономия) относится к тенденции сокращать слова, упрощать грамматические структуры и опускать элементы предложения для более быстрого и эффективного общения. Это важное явление в устной речи и мессенджерах, отдающее предпочтение беглости речи перед строгими литературными нормами:

- морфемная редукция (= *апокона*) – «чел» (человек), «норм» (нормально);
- упрощённая фонетика – «щас» (сейчас), «ваще» (вообще), «чё» (что).

Г. Разговорный синтаксис (неполные предложения).

Контекст допускает:

- опущение подлежащего или сказуемого;
- ослабление склонения – иногда в очень неформальной речи правильное склонение опускается, хотя это скорее вопрос разговорной речи/сленга, чем просто экономии времени;
- использование сокращённых местоимений – «тя» вместо «тебя» (винительный падеж от «ты»), «ся» вместо «себя» (возвратный падеж о «сам»).

В современном русском разговоре приоритет отдаётся скорости (грамматика «Я-здесь-сейчас»): использует много глаголов действия, однословные фразы (Ладно/Ясно – Хорошо/Понятно) и прямые вопросительные конструкции. Экономия речи в современном русском языке – это адаптация к нынешнему темпу жизни и цифровому общению, трансформирующая сложный и формальный литературный русский язык в лаконичную, выразительную и часто разговорную форму.

Д. Обценный регистр речи (мат).

«Мат» (матерщина) – это система крайне вульгарных, табуированных и оскорбительных выражений и богохульств в русском и других славянских языках. Считаясь самой сильной формой инвективы, этот компонент разговорной речи часто запрещается в СМИ и общественных местах. Влияние «мата» на современную речь, по нашему мнению, обусловлено следующими факторами:

- *Табуированность происхождения.*

Исторически «мат» возник как оскорбление матери (лат. mater) и, соответственно, стал обозначать использование непристойных терминов, связанных с половыми органами и сексуальными действиями (Kovalyov, 2021).

- *Лингвистически гнездовая «упрощённость».*

Русский мат зиждется в основном на четырёх непристойных корнях, от которых происходит множество уникальных форм.

- *Императивная и экспрессивная функции.*

В разговорной речи используется для выражения крайнего гнева, угрозы, категорического отказа или для яростного оскорбления, часто называемого «богохульством» (ИЭСЯ).

- *Социальный запрет (табу).*

Хотя в определённых контекстах (тюрьма, армия или улица) это слово повсеместно используется, в России его употребление формально запрещено в литературе, СМИ и официальных ситуациях.

- *Отличие от сленга.*

В отличие от стандартного сленга, концепт «мат» представляет собой гораздо более глубокий и табуированный пласт, часто воспринимаемый скорее как агрессивное словесное нападение, чем как простое проявление фамильярности.

Несмотря на публичный запрет, матерные слова используются россиянами всех возрастов и практически всех социальных слоев. В данной перспективе мы считаем, что устойчиво высокий лингвокультурный статус мата в России объясняется следующими факторами.

- *Экспрессивная сила.*

Данный тип лексики обладает эмоциональной интенсивностью, которую не может заменить ни одно обычное слово. Он используется для выражения разочарования и гнева, а также для создания чувства товарищества или юмора (в шутках, песнях и рассказах).

- *Культурный и протестный характер концепта «мат».*

Мат является частью русского и советского подпольного языка, используемого как форма культурного сопротивления социальным табу и официальной власти (НКЯ).

- *Элемент кризисной коммуникации.*

Очень эффективен для быстрого выражения срочной, критической или хаотичной ситуации, что делает его популярным средством общения в армии, строительстве и других стрессовых средах.

Важным аспектом русской лингвокультуры является *устная традиция* и активное использование «параллельной лексики» в социальных пространствах, так как речь идёт о креативном и красочном языке, который, развиваясь в разных временах и контекстах, остаётся «живой» и динамичной идиомой. Надо сказать, что в русской лингвокультуре вторичная языковая система существует с давних времён, ещё до татаро-монгольского нашествия, что подтверждают тексты берестяных грамот, найденных в Новгороде и Старой Русе (ДБГ; Зализняк, Янин, 2006). Расшифровка «древнерусских СМСок» позволяет говорить об особом лингвоментальном коде русской разговорной культуры, в которой употребление матерных словечек для русича являлось своеобразной сублимацией «разрушительной или сексуальной энергии» (Boutang, 2023).

Напомним, что матерный дискурс используется не везде, то есть не одобряется в формальных, культурных кругах или в присутствии женщин (согласно традиции), но при этом терпим и широко распространён в разговорной речи, в интернете («ВКонтакте», «Телеграм») и в некоторых субкультурах. При этом хотелось бы указать на особенности употребления обценного вокабуляра в речи российских подростков, для которых произнесение матерных словечек часто выступает маркером своеобразного шика, элементом взрослости и, в конечном счёте, – мифологического самоутверждения. Отметим интересный факт, достойный отдельного исследования: согласно статистике ряда агентств, мат в речи подростков-девочек занимает преобладающее место (Lexilogos).

Итак, мат – это мощное лингвистическое и культурное явление, часто трактуемое как форма грубой «поэзии», которая служит одновременно средством и инструментом прямой коммуникации в российском этнокультурном сообществе.

2. Разговорный французский язык (неформальный дискурс / сленг / аргю)

В неформальном разговорном языке французы часто стремятся упростить синтаксис и создать новые слова с помощью *верлана* (обратного сленга) или метафоры. Для французов «экономия речи» относится к естественной тенденции минимизировать артикуляционные и когнитивные усилия для более быстрого и простого общения. Она основана на принципе «сделать как можно больше с наименьшими усилиями», балансируя скорость и ясность (Meillet, 2016, p. 17). Это выражается в пропуске звуков, слогов или целых слов, которые не являются существенными для понимания в данном контексте.

К наиболее характерным признакам «речевой экономии» во французском устном разговорном языке можно отнести:

- **Опущения и сокращения.**

Ключевое значение имеет систематическое сокращение высказываний, например, “*Je suis*” → *Chui* [ʃi]; “*Je ne sais pas*” → *J’sais pas* [zəsɛpa] или *Chais pas* [ʃɛpa]). Опущение некоторых местоимений или предлогов:

“J’t’ai dit” вместо “Je te l’ai dit”. Использование *апокопы*, *афферезиса*, иначе говоря, усечение конца или начала слова, и *синкопы* (удаление звука внутри слова): “Tél” (*téléphone* = телефон), “ciné” (*cinéma* = кинотеатр), “p’tit” (*petit* = маленький), “conf” (*conférence* = конференция), “mat” (*matin* = утро); “Bus” (*autobus* = автобус), “Ricaïn” (*américain* = американский); “S’pas” (*ce n’est pas* = это не ...), “P’t-être” (*peut-être* = может быть) (TLFi).

- **Выпадение отрицания.**

Отрицательная частица “ne” почти полностью исчезла в разговорном французском, например, “J’ai pas fini” вместо полной формы “Je n’ai pas fini” (Я не закончил).

- **Удвоение подлежащего (местоимённая реприза).**

“Mon frère, il est parti” (букв. ‘Мой брат, он ушел’).

- **Эллипсис (контекст и синтаксис).**

Речь эллиптизируется, поскольку контекста бывает достаточно для понимания: “Tu viens?” (Ты идёшь?) вместо “Est-ce que tu viens avec nous au resto?”; “Un café, s’il vous plaît” (Кофе, пожалуйста) вместо “Je voudrais commander un café...” (Я хотел бы заказать кофе...);

- **Сленг и верлан.**

Активное использование стандартного сленга (*bouffer*, *flic*) и верлана (*ouf* = *fou* = чокнутый; *chelou* = *louche* = мутный, подозрительный; *keuf* = *flic* = мент, коп).

Следует обратить внимание на особенности молодёжного арго, которое является неотъемлемой частью французского разговорного узуса и, по мнению многих лингвистов, «валоризирует французский язык, обогащая его, например, новыми образными средствами» (Pruvost, 2005, p. 3). Исторически сложилось так, что этот вид городского сленга был создан маргинализированными группами, чтобы избежать понимания со стороны господствующего класса. Первоначально арго жилых комплексов придумали молодые люди из рабочих кварталов, чтобы отличаться от тех, кто живёт в более богатых районах, движимые потребностью принадлежать к группе «хозяев жизни». Сегодня этот вид сленга становится стандартным языком.

Молодёжное арго французов – это форма неформального, творческого и развивающегося языка, используемая подростками для самоидентификации, выделения себя и освоения языка. Оно обогащает французский язык, оживляя повседневную лексику, вводя новые слова и выражения и отражая культурные изменения. Это преимущественно устный язык, используемый в повседневном общении, в социальных сетях и средствах массовой информации. Хотя молодёжный язык может показаться мимолётным, многие аргоизмы передаются из поколения в поколение и становятся краеугольными камнями французского разговорного дискурса.

Таким образом, лексическая «экономность» и нарративная креативность повседневного узуса превращает разговорный дискурс в более быструю и насыщенную версию французского языка, где скорость, эстетика и эффективность коммуникации становятся важнее формальной грамматической правильности.

3. Сходства и различия русского и французского разговорного узуса

Русский и французский разговорные языки имеют общие черты в динамике упрощения и в использовании заимствованных слов, но принципиально различаются по грамматической структуре и социокультурной роли вежливости. В то время как разговорный французский язык в значительной степени опирается на сокращения и красочный «сленг», разговорный русский язык часто использует уменьшительные суффиксы и сокращения длинных слов.

Сходства:

- *Историческое взаимовлияние и культурная близость* (заимствования).

Благодаря известным историческим событиям и традиционным культурным связям между Россией и Францией, существует взаимная симпатия между представителями двух народов, что выражается в общем восхищении культурой и искусством, в значимости французского языка в русской культуре на протяжении истории и в статусном изучении русского языка во Франции, а также через присутствие русской православной культуры, которую символизирует Русский православный духовно-культурный центр в Париже. Эта симпатия, пережившая множество политических конфликтов, основана на многовековой традиции обмена, важной частью которого является лингвистическая синергия двух миров (FranText).

Многие современные общеупотребительные разговорные русские слова происходят из французского языка (кафе → *café*, ресторан → *restaurant*, бюро → *bureau*, шофёр → *chauffeur* и др.), что связано с влиянием французской культуры XVIII и XIX веков. Интересным в этом плане представляется этимология слов «шерочка с машерочкой», «шаромыга» и «шантрапа».

Выражение «шерочка с машерочкой» восходит к появлению учебных заведений для юных дворянок (пансионам) Российской империи XIX века, где образование находилось под сильным влиянием французской культуры. Изначально, когда юные девушки танцевали вместе на балах (из-за отсутствия партнёров), они называли друг друга “*Ma chère, ma chérie*” (Моя дорогая, моя любимая). Таким образом, эти ласковые обращения подверглись фонетической деформации и превратились в существительное, обозначающее пару танцовщиц. Этот оборот также может относиться к паре неразлучных людей (часто женщин).

Русское слово «шаромыга» – это разговорный термин, часто используемый для обозначения ненадёжного человека, мошенника, паразита или того, кто стремится воспользоваться другими (нахлебника). Слово происходит от французского выражения “*cher ami*” (дорогой друг), и родилось в историческом контексте отступления армии Наполеона из России в 1812 году, когда голодающие и замерзающие французские солдаты обращались к русским крестьянам “*cher ami*”, прося еды или помощи. Крестьяне, не понимая французского, слышали обращение «дорогой друг» по-французски и в результате фонетической деформации словосочетание

превратилось в слово «шаромыга» для обозначения этих бедных несчастных людей. Впоследствии этот термин в русском языке, сохраняя историческую связь с французскими солдатами 1812 года, стал обозначать человека, который пытается выпросить что-либо бесплатно или получить это попрошайничеством.

Уничижительное слово «шантрапа» имеет «спорную» этимологию. Городская легенда гласит, что русские помещики нанимали французов для обучения своих детей. Тех, кто не умел петь, отправляли домой со словами: “*Chantera pas*” (Петь не будет). Однако большинство лингвистов считает эту версию вымышленной народной этимологией (Damourette, Pichon, 1983).

К вышеприведённым русским словам французского происхождения можно добавить широко распространённые уничижительно-оскорбительные слова: «дебил» (*débile*), «шалава» (*salope*); разговорный термин «подшофе» (*sous chauffé*), просторечное и с оттенком грубости и пренебрежения слово «сортир» (*sortir*). Большинство вышеупомянутых слов было заимствовано в XVIII или XIX веке, когда французский язык был языком русского дворянства. Со временем слова перешли из аристократического языка в народный, искажаясь (становясь «ложным другом» переводчика) или вульгаризируясь, чтобы адаптироваться к социальным реалиям.

Использование русских слов в разговорном французском языке – распространённое явление, обогащающее повседневный язык, часто заимствующий элементы популярных нарративов, культурного обмена или юмора. Эти слова, как правило, адаптированы к французскому произношению или используются благодаря своим выразительным качествам, например: **blinis** – слово и продукт (больше похожий на оладью), широко вошедшие в каждодневный обиход французов, происходит от русского слова «блины»; **niet** (нет), заимствованное из русского языка, это слово иногда используется для усиления отказа, означая категорическое «нет», твёрдое неприятие или полное отсутствие чего-либо, например: “*Dire niet à une proposition*” (Отказать в предложении) или “*C’est le niet de la direction*” (Руководство отказало), часто с выразительным оттенком сухого отказа; **kopeck** – от русского слова «копейка», употребляющееся в распространённых разговорных выражениях: “*Ne pas avoir un kopeck*” означает «быть без денег» (без гроша), а “*Cela ne vaut pas un kopeck*” (ни копейки не стоит) означает, что что-то не имеет никакой ценности; **molodets** (молодец) используется для поздравления в широком смысле: «молодец», «хорошая работа»; **paka-paka** – очень распространённое выражение (особенно в СМС-сообщениях), означает «привет» или «пока» при прощании; **haracho, spassiba** = хорошо, спасибо; **mojna** = можно, возможно (Lexilogos).

- Динамика разговорной/устной речи.

В обоих языках неформальная, непринуждённая речь «сокращает» высказывания и упрощает грамматику (синтаксис) по сравнению с письменным языком.

- Неформальные/формальные формы обращения.

В русских местоимениях-обращениях (**ты/вы**) и французских – (**tu/vous**) используются схожие различия в вежливости для обозначения социальной дистанции, что обосновано, по мнению ряда исследователей, «происхождением обоих языковых систем от общих индоевропейских лингвокультурных корней» (BU, 1975, p. 115).

- Возвратные глаголы.

В русском языке для возвратных глаголов используются суффиксы (-ся/-сь), тогда как во французском используется вариативная частица «se» (например, *amuser* → *s’amuser* / развлекать → развлекаться). Во французском языке возвратная частица (или возвратное местоимение) согласуется по лицу и числу с подлежащим местоимением. Она указывает на то, что действие выполняется подлежащим «над самим собой»: **Je me/m’** (*Je m’habille* = Я одеваюсь); **Tu te/t’** (*Tu t’habilles* = Ты одеваешься); **Il/Elle/On se/s’** (*Il s’habille* = Он одевается); **Nous nous** (*Nous nous habillons* = Мы одеваемся); **Vous vous** (*Vous vous habillez* = Вы одеваетесь); **Ils/Elles se/s’** (*Elles s’habillent* = Они одеваются) (TLFi).

Французское местоименное согласование – это лингвистический маркер, который ставит местоимение в «гравитационный» центр высказывания. Мы относим это явление к более ярко выраженной, чем в русском языке, форме *грамматической субъективности*, поскольку оно показывает, что французский агент действует на самого себя, лично вовлекаясь в действие, а не воздействуя на внешний объект или пассивно испытывая на себе воздействие другого лица, как в случае с русской возвратными частицами (-ся/-сь).

Различия:

- Артикли в противовес падежам.

В разговорном французском языке артикли используются для определения *рода, числа* или степени определённости/неопределённости существительного (**le/la/les; un/une/des**), тогда как в русском языке артиклей нет, но используются шесть грамматических падежей, изменяющих окончания слов, что делает русский разговорный дискурс в определённой мере морфологически и синтаксически сложнее французского.

- Интенсивность русского «ты».

В русском языке «ты» отличается амбивалентностью смысловых признаков, так как, с одной стороны, может звучать гораздо более интимно, но с другой – инвективно-агрессивно, тогда как французское «ты» абсолютно нейтрально, поскольку обычно используется при общении с родственниками, близкими друзьями или коллегами по работе.

- Упрощённый синтаксис и лексика.

В разговорном французском языке широко используется опущение отрицательной частицы “**ne**” и универсально-безличного местоимения “**on**” вместо “**nous**” (мы), тогда как в разговорном русском языке упрощение достигается чаще всего за счет опущения местоимений-подлежащих или использования уменьшительных суффиксов для выражения симпатии, привязанности и презрения в том числе.

- *Сленговый вокабуляр.*

Сленговый нарратив в двух языках, особенно в рамках тематик «семья», «работа», «деньги», значительно варьируется. При этом в русском узусе сниженного регистра по преимуществу используются лексемы исконно славянских корней, а также термины, заимствованные из тюремного сленга, тогда как во французском фамильярном стиле речи употребляются традиционные арготические термины, при параллельном использовании искусственно созданных единиц условного языка «верлан» (слова-перевертыши).

- *Интенсивность.*

В работах большинства исследователей разговорный русский язык наделяется эпитетами «аутентичный» и «выразительный» именно благодаря наличию вульгарно-обценной стилистике речи, в то время как разговорный французский больше опирается на прагматику «латентной иронии» и «эстетику гипоморфоza» (Pruvost, 2014).

В общих чертах, в разговорном русском языке акцент делается на изменениях в морфологии слов (суффиксация, склонения), тогда как в разговорном французском языке изменения касаются начала или структуры предложения (сокращение, опущение частицы «не», смещение подлежащего).

Заключение

Языковая культура современного разговорного употребления языка и национальный менталитет России и Франции демонстрируют заметные отклонения и ряд общих черт, отражающих разные истории, социальные структуры и этнокультурные ценности. Современный французский язык и современный разговорный русский язык – это не просто средства коммуникации, а зеркала этнокультурных категорий «французскость» и «русскость».

Результаты проведённого исследования отразились в следующих выводах:

1. Современный разговорный русский дискурс отличается прямоотой выражения мысли, стилистической выразительностью и эмоциональностью подачи информации. В нём часто используются уменьшительные суффиксы в любых типах контекстного функционирования (детский и взрослый языки, официальный и жаргонный нарратив). Наблюдается сильное влияние интернет-сленга и английских заимствований, при этом сохраняется сложная грамматическая структура русского языка.

Разговорный русский узус часто вербализует концепты «коллективизм/соборность» (близость, теплота). Общение часто откровенное, иногда воспринимаемое, в частности, иностранцами как резкое, отдающее предпочтение «честности», а не формальной вежливости, что проецирует менталитетные свойства нарративно-дискурсного фатализма и создаёт впечатление динамичной спонтанности коммуникации.

2. Современный разговорный французский дискурс находится под сильным влиянием молодёжного сленга, верлана (условного языка) и англицизмов. Он отличается сокращениями, опущением некоторых служебных слов и морфем, а также упрощением синтаксических конструкций. Стандартный и разговорный стили имеют общую тенденцию к смешению, особенно в городской среде.

Разговорный французский через призму речевых феноменов отражает общество, которое ценит эффективность, иронию, тонкую критику и определённую «лёгкость» или отстранённость коммуникативного поведения. Вежливость и этикетность остаются важными элементами моделей интерперсонального общения для французов, но развиваются в сторону менее жёстких нарративных конструкций.

3. В общепоставительном плане отмечаются следующие характеристики двух разговорных узусов:

- русские, как правило, прямолинейны в повседневном общении (приоритет прямых способов подачи информации), тогда как французы могут использовать больше описательных оборотов или иронии (косвенные приёмы передачи мысли);

- разговорный русский язык очень эмоционально окрашен (уменьшительно-ласкательные формы, гиперболы), в то время как разговорный французский язык опирается на юмор, цинизм, краткость и рациональную прагматику;

- русский и французский разговорный дискурс отличаются богатством стилистических нюансов, разнообразием словообразовательных схем и синтаксической полиморфностью. Оба языка постоянно развиваются, испытывая сильное влияние цифровых технологий и англицизмов среди молодого поколения;

- грамматическая субъективность обоих языков транслируется в область этнокультурной специфики когнитивно-мыслительной активности. При этом субъективность русского языка отражает специфику русского менталитета через преобладание выражения эмоций, чувств и отношения говорящего к объективному описанию фактов. Эта языковая особенность проявляется в богатом лексическом арсенале средств и грамматическом строе, который специфически окрашивает информацию, тем самым передавая нюансы мировоззрения, в котором человеческие отношения и чувства занимают приоритетное место.

Субъективность французского языка определяется как совокупность языковых процессов, посредством которых говорящий дейктически выражает себя в своём высказывании (маркеры лица, времена глаголов, модализаторы, аффективность), отражая специфику французской коммуникации и менталитета, которые делают акцент на субъекте речи, интеллектуальные нюансы и важность учёта социально-статусного контекста.

Резюмируя вышеизложенное, в современном русском разговорном узусе сохраняется лингвокультурный акцент на *эмпатию* («душевность») и *импульсивность* (*экспрессивность*) коммуникации, в то время как в современном французском дискурсе во главе угла стоят *лингвистическое мастерство* (*импрессионизм*), *ироничная отстранённость* и *практичность*.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке посткоммуникативных и посткомпаративных алгоритмов анализа и интерпретации эмпирического материала. Данный подход больше не рассматривает нацию, культуру или идентичность как естественные, фиксированные или однородные сущности. Вместо этого посткомпаративизм трактует их как эпистемологические конструкции – то есть концепты-идеи, сформированные эволюцией национальных языков, разговорным узусом, языковой политикой, иными словами, всем комплексом лингвокультурных составляющих экзистенции этноса.

Материалы исследования | Research materials

1. FranText – База французских текстов FranText. www.frantext.fr/
2. ДБГ – Древнерусские берестяные грамоты. <https://gramoty.ru/birchbark/>
3. РА – Елистратов В. С. Словарь русского арго, 2002. <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=224>
4. ИЭСЯ – Интерактивная Энциклопедия Современного Языка. ЖАРГОН.RU. <https://jargon.ru/>
5. НКЯ – Национальный корпус русского языка: <https://ruscorpora.ru/>
6. ФП – Седых А. П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки: учебно-методическое пособие. Белгород, 2021.
7. Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки. М.: Голос, Колокол-Пресс, 1998.
8. Damourette J., Pichon Éd. [1911-1940] Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française: in 8 vol. P.: Éditions SLATKINE, 1983.
9. BU – Grevisse M. [1936] Le Bon Usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui / ed. by J. Duculot, S. A. Gembloux (Belgique), 1975.
10. Lexilogos: Mots et merveilles ici et ailleurs. Dictionnaire argot. <https://www.lexilogos.com/argot.htm>
11. Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014.
12. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française en trois volumes (Édition numérique). P.: Le Robert, 2011.
13. TLFi – Trésor de la Langue Française informatisé (TLFi). <https://www.atilf.fr/>

Источники | References

1. Борисова А. С. Французский национальный характер сквозь призму современных французских печатных рекламных текстов: дисс. ... к. филол. н. М., 2010.
2. Веденина Л. Г. Французский язык. Структура, функционирование, культура. М.: Языки славянской культуры, 2020.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография. М.: Российский университет дружбы народов, 2006.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь: монография. М.: Лабиринт, 2007.
6. Гак В. Г. Беседы о французском слове: из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: URSS Либроком, 2020.
7. Зализняк А. А., Янин, В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. 2006. № 3.
8. Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев – Великий русский культуролог. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет просоюз, 2012.
9. Карасик В. И. Языковое древо жизни: монография. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2025.
10. Копусь Т. Л. Способы выражения естественной и сгенерированной субъективности в телеграм-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 10. <https://doi.org/10.30853/phil20250581>
11. Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Соловецкие записи 1928-1930. Картежные игры уголовников. Черты первобытного примитивизма воровской речи. Арготические слова профессиональной речи. Тверь: Областное отделение Российского Фонда Древней Руси, 1993.
12. Радбилль Т. Б. Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингво-культурологической интерпретации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова: Взаимодействие лексики и грамматики. 2019. Вып. 20.
13. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
14. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород, Эпицентр, 2022.
15. Седых А. П., Акимова Э. Н., Машкова Л. А. Дискурсивная фразировка эмфатического высказывания: французский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. № 1. <https://doi.org/10.30853/phil20260015>
16. Седых А. П., Иванова В. Нарратив и лексикон «бессмертных» французов // Лексикография и коммуникация – 2024: сборник материалов X Международной научной конференции. Белгород, 2024.
17. Boutang A. Interdit d'interdire? Euphémiser l'obscène. MSHA, collection PrimaLun. L'obscène, mode d'emploi. Considérations intempestives à l'usage du monde contemporain. 2023.

18. Charaudeau P. Identité linguistique, identité culturelle: une relation paradoxale. 2009. <http://www.patrick-charaudeau.com/Identite-linguistique-identite.html>
19. Clas A. Langue, langage et les étonnantes locutions, expressions et phrasèmes du français, et leurs correspondants en anglais et en allemand // Meta. 2015. N° 60 (2). <https://doi.org/10.7202/1032859ar>
20. Combettes B. Facteurs textuels et facteurs sémantiques dans la problématique de l'ordre des mots: le cas des constructions détachées // Langue française 111. 1996. <https://doi.org/10.3406/lfr.1996.5352>
21. Hagège C. Le linguiste et les langues, P.: CNRS, coll. "Les Grandes Voix de la Recherche", 2019.
22. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
23. Kerbrat-Orecchioni C. L'Énonciation – De la subjectivité dans le langage. P.: Armand Colin, 1980.
24. Kovalyov G. F. Russian obscenities, as part of the national heritage // Liberal Arts in Russia. 2021. Vol. 10. No. 3.
25. Krieg-Planque A. "Formules" et "lieux discursifs": propositions pour l'analyse du discours politique // Semen. Revue de sémio-linguistique des textes et discours. 2006. N° 21.
26. Kristeva J. Le Temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
27. Meillet A. [1903] Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes (Éd. 1903). P.: Hachette, 2016.
28. Morin E. La méthode: en 6 vols. P.: Seuil, 2006.
29. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée. 2005. No. 137.
30. Rivarol A. [1784] Discours sur l'universalité de la langue française, précédé de la langue humaine par Gérard Dessons, collection "Le Philologue". P.: Éditions Manucius, 2013.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.

Зарипов Руслан Ирикович², д. филол. н., доц.

Маякова Евгения Евгеньевна³, к. филол. н., доц.

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

^{2,3} Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

EN

Arkadiy Petrovich Sedykh¹, Dr

Ruslan Irikovich Zaripov², Dr

Evgeniya Evgenyevna Mayakova³, PhD

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University

^{2,3} State University of Military Defense, Moscow

¹ sedykh@bsuedu.ru, ³ chat37@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.02.2026; опубликовано online (published online): 13.04.2026.

Ключевые слова (keywords): русский и французский разговорный дискурс; лингвокультурологический аргумент; русскость и французскость; этнокультурная специфика коллоквиальной интеракции; диалектический симбиоз языка и культуры; Russian and French colloquial discourse; linguacultural argument; Russianness and Frenchness; ethnocultural specificity of colloquial interaction; dialectical symbiosis of language and culture.